

СПЕЦ. ЦЕНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла

Адрес официального сайта Александры Мариной в Интернете
<http://www.marinina.ru>

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

РЕКВИЕМ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Реквием / Александра Маринина. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. —
(А. Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-699-88656-2

В Москве при таинственных обстоятельствах погибает молодой милиционер. Его подруга Лера носит на руке дорогое кольцо с бриллиантом, похищенное когда-то при убийстве жены крупного чиновника. Живет Лера с дедом-уголовником, много лет назад убившим родителей девушки и сделавшим ее сиротой. Такой клубок загадок приходится распутывать Насте Каменской и ее коллегам из уголовного розыска.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М. А., 2016
© Оформление.

ISBN 978-5-699-88656-2

ООО «Издательство «Э», 2016

Реквием по Карабасу-Барабасу

Какие только сферы жизни не были затронуты за годы существования феномена Марининой этой писательницей! Причем — творческой жизни. Тут и ученые, и писатели, и психологи-гипнотизеры, и кинорежиссеры с актрисами, и музыканты с композиторами... Наконец у нее дошли руки до области, традиционно считающейся самой криминальной после политики, — до шоу-бизнеса. Поле непаханое. Пожалуй, достаточно почитать какие-нибудь хроники «Московского комсомольца», чтобы получить толчок для развития сюжета. Но Маринина не схватилась за лежащие на поверхности нашей памяти убийства продюсера или певца, таинственную смерть рок-идола или прыжок к звездам лидера популярной группы. В ее творчестве, как всегда, сведения, так или иначе известные многим, сложились в историю, которой еще не было. Узнаваемые детали и события из реальной жизни — только нити, вплетающиеся в выдуманный сюжет. Как пишут обычно в титрах фильма, «все совпадения случайны»...

Несмотря на новую тему, развивается детектив вполне по марининским законам. Следствие начинается с трупа, который оказывается лишь очень

мелким звеном в цепи интереснейших и нетривиальных событий. Как всегда, разные преступления, причем разнесенные в причинах, в пространстве и времени, по ходу книги выстраиваются в мозгу Каменской в стройную картинку-пазл, и на последних страницах наконец все узелки завязаны, виновные наказаны. По ходу расследования мы погружаемся в тайны мира шоу-бизнеса, выясняем таинственное влияние свастики на человека, узнаем о магнитных полях и черпаем множество интересных сведений о человеке вообще. Первоначальная задача Насти Каменской — провести анализ криминальной пораженности вузов МВД, но, как всегда, случайно занявшись задачкой вычисления убийцы милиционера и распутываемым вслед за этим клубком с порнухой, наркотиками, сбором компроматов на больших людей и прочим, она так и не заканчивает работу. Нитей много, все очень увлекательно. Но сказать, что повороты сюжета непредсказуемы, к сожалению, нельзя. Уже на первом десятке страниц любящий романы Марининой читатель легко сможет назвать имя того человека, которого ищут мудрая Настя Каменская и ее друзья с Петровки, и даже предположить, зачем он ввязался в грязные игры. Почему же читатель столь проницателен? Да потому, что в качестве главной линии повествования писательница отрабатывает коллизию, по которой ею уже были построены несколько романов. Назовем это «проблема злого гения». Одаренный творец, обделенный как личность — обществом, близкими людьми или же природой, начинает совершать преступления. Маринина постоянно пытается создать не пошлый детектив «он убил — его убили», а под-

няться до неких вечных вопросов. В новом романе два антагониста — Каменская и продюсер популярного певца Вячеслав Зотов — решают для себя примерно один и тот же вопрос. Каменская ставит его так: «Кто ее придумал, нормальность эту? Норма — это наиболее распространенная характеристика, то, что распространено меньше, считается не нормой... но кто сказал, что «не норма» — это плохо?» Если для Каменской это лишь привычная попытка анализировать все, в том числе устройство мира, то для Зотова вопрос о том, что норма, а что — патология, становится главным вопросом жизни: «Отсутствие дарования воспринимается как данность, как цвет волос или глаз, а вот отсутствие ума — как дефект. Почему? Неправильно это, потому что все от природы, и талант, и интеллект». Зотов, как Пигмалион, лепит из одаренного чудным голосом, но глупого и аморального мальчика гениального певца, пытаясь таким образом восполнить свою обделенность талантом и его, мальчика, обделенность разумом. Зотов — певец, он хотел бы «жечь сердца людей» своим голосом, но «природа», дав голос и желание, не дала способности донести песню до слушателей. Трагедия бездарности приводит к трагедии нескольких жизней, а значит, как говорят протоколы, к наличию нескольких трупов. Маринина хочет, чтобы мы считали, что разыгрывается старая сказка «о сложных отношениях, которые могут связывать человека достойного, но всего лишь одаренного, и человека гениального, но пустого и ничтожного». Подтверждением этой красивой истории становится даже фильм «Амадеус» на полке у героя (находка кассеты — тоже прием не новый, вспомним «По-

смертный образ!»). Марининой очень хочется взойти к неким архетипам: «Моцарт убивает Сальери». Не выходит. Зотовым движет не зависть (как Сальери), более того, он прощает своему питомцу все, лишь бы тот продолжал петь, творить. Это какой-то родительский комплекс компенсации. Скорее, трагедия Пигмалиона или же Карабаса-Барабаса, тирана и деспота, но воспитавшего своих кукол артистами, а получившего в ответ бунт.

Маринина так увлекается глобальной теорией, что остальные линии получаются слабоватыми. Главный вопрос, мучивший Настю на протяжении всей книги — почему много лет назад было совершено убийство семьи известного композитора, — решается психологически не очень достоверно. Впрочем, сама Маринина понимает нелогичность объяснения поступков убийцы. Недоумение, почему убийца поступил так странно, Маринина вкладывает в уста одного из оперативников. Каменская дает объяснение на уровне детской загадки про селедку: «Моя вещь, куда хочу, туда и ставлю», — «Он так решил, как решил». Вот это логично.

Впрочем, интереснее всего и, я бы сказала, жизненнее всего в романах Марининой бывают страницы, никак не увязанные с главным ходом повествования. Это тоже визитная карточка ее романов: в них всегда, кроме «задачек» Каменской, бывают какие-нибудь маленькие заметки, интересные сами по себе. В этот раз задачку задает Насте ее племянница Лариса. В длинном монологе девушки, впервые оказавшейся в Москве, есть все: и оценка москвичей как отдельной касты («Вы чужие. Вы все чужие друг другу. И неправильные»), и описание Москвы гла-

зами провинциала — Москвы нищих и лженищих, Москвы, безразличной к жителям, города, где люди не видят «себя... и других людей рядом с собой». В монологе Ларисы встает психологический портрет восприятия современной России ее гражданином. Жалкая, безработная, грязная и безденежная провинция, где жить трудно и почти невозможно, противостоит Москве, находящейся где-то далеко и совсем в другом мире. Москва в сознании людей с окраин — почти рай, Земля обетованная, «место, где все хорошо». И вот — подлость крушения сказки! Оказывается, что «вся ваша Москва — один сплошной обман... Это не город и не люди в нем, это иллюзия какой-то жизни». Слова не новы, они почти трюизмы, но страстный, максималистский монолог девушки почему-то трогает. Настя, покачав головой, в целом соглашается с Ларисой. Может, действительно легче жить в провинции без денег и работы, но с людьми, чем вступать в диалог с жутким городом, где девочки спекулируют на смерти родителей, родители торгуют детским порно, дед убивает отца, воспитанник — воспитателя... Медный Всадник — бедного Евгения, гуляка Моцарт — пунктуального Сальери, глупый Арлекин — злого Карабаса-Барабаса... Что же, вековые традиции русской литературы нашли свое продолжение. *Requiem aeternam dona eis, Domine*¹.

Ольга ВАСИЛЬЕВА
Ex libris «НГ», 1998

¹Даруй им, Господи, вечный покой.

Глава 1

Он выглядел недовольным и усталым, но за маской брюзгливой утомленности на красивом молодом лице Барсуков ясно видел с трудом сдерживаемый страх и мучительное напряжение. Сомнений не было, ему только что снова звонили.

— Что еще? Зачем ты вернулся?

— Я хотел спросить, какой у вас номер телефона. Не городского, а сотового. — Барсуков кивком головы указал на лежащую на столике возле дивана трубку.

— Зачем тебе?

— Да вы не бойтесь, я не буду вас разорять и звонить по такой дорогой связи. Если нужно, позвоню по городскому. Просто скажите мне номер.

Барсуков старался говорить непринужденно, чтобы лишний раз не встревожить собеседника. Эти артисты такие нежные, что уж и слова им сказать нельзя. Очень болезненно на все реагируют.

Он даже не стал записывать номер телефона, просто запомнил, это было несложно. Совсем несложно, потому что именно этот номер он твердил про себя, пока шел, да нет, не шел — почти бежал через темный, окутанный зимними сумерками по-

селок к большому загородному дому знаменитого певца.

Барсуков услышал шаги на крыльце, хлопнула дверь.

— Это я! — раздался из холла громкий мужской голос.

— Ну давай отваливай, — негромко и раздраженно проговорил хозяин дома. — Видишь, ко мне пришли. Иди, иди.

* * *

Настя Каменская никак не могла привыкнуть к тому, что ездит на работу теперь не на Петровку, а совсем в другое место. Вот уже три месяца она выходит из метро не на «Чеховской», а на другой станции и идет не к большому желтому зданию Главного управления внутренних дел Москвы, а к обшарпанному светло-зеленому трехэтажному особнячку. Теперь ее кабинет здесь. И начальник у нее другой. Нельзя сказать, что новый начальник хуже любимого и привычного Колобка-Гордеева. Он не хуже. Просто он — другой. Давно и хорошо знакомый, отличный профессионал, безусловно, честный и порядочный человек, прекрасно относящийся к Насте, но... Он не Гордеев.

Настя изо всех сил старалась свыкнуться с переменами. Она не была уверена, что поступила правильно, сменив место службы, но на этом настаивали оба начальника, и прежний, Виктор Алексеевич Гордеев, и новый, Иван Алексеевич Заточный. Заточный хотел получить в свою только что созданную информационно-аналитическую службу хорошего

толкового работника, а Гордеев, в свою очередь, стремился отослать Анастасию подальше от назревающих крутых кадровых перестановок в городском управлении. И оба они в один голос твердили о том, что ей надо получать звание подполковника, поэтому следует перейти на должность, которая даст ей эту возможность. А вернуться на Петровку она всегда сможет, было бы желание.

За три месяца она так и не смогла привыкнуть к тому, что сейф теперь стоит не слева, рядом с рабочим столом, а у противоположной стены, да и вскипятить воду для кофе, не вставая с места, никак не удается, ибо розетка находится не в стене прямо за спиной, а возле окна. Что ж, может, это и к лучшему, при ее сидячем образе жизни лишние телодвижения не помешают.

Было уже около десяти утра, и Настя как раз собиралась вскипятить воду, чтобы выпить вторую за рабочее утро чашку кофе, когда ее вызвал к себе Заточный. Кроме генерала, в кабинете находился молодой мужчина в форме с погонями капитана внутренней службы.

— Знакомьтесь, — сухо произнес Иван Алексеевич. — Это наш новый сотрудник Павел Михайлович Дюжин. Анастасия Павловна Каменская — наш лучший аналитик. Она будет вашим наставником в течение первого года работы. Вы свободны, Павел Михайлович. Обживайте пока свое новое рабочее место, Анастасия Павловна вас позовет, когда освободится.

На лице у капитана было написано легкое недомогание, но он дисциплинированно встал и вышел из кабинета. Заточный некоторое время смотрел на

закрывшуюся дверь, потом перевел взгляд на Настю. Сухость и сдержанность на его лице растаяли, теперь оно было обычным, но несколько озабоченным.

— Получайте своего первого ученика, — улыбнулся генерал. — Я свои обещания выполняю. Как только подготовите мне двоих приличных аналитиков, можете уходить куда захотите, если у меня не понравится.

— Откуда он пришел? — спросила Настя. — И вообще, что он умеет?

— Ну, о том, что он умеет, — это вы мне через пару дней сами расскажете. А пришел он из отдела кадров ГУВД Московской области. Устраивает?

— Вполне, — облегченно кивнула она. — У кадровиков обычно бывают неплохие навыки работы с документами без личного знакомства с человеком. Они умеют читать бумажки не только по строчкам, но и между строк. Я могу идти?

— Нет, — резко ответил Заточный и указал ей на стул. — Сядьте, Анастасия. Я хочу предложить вам материал, на котором вы будете учить Дюжина работать. Предупреждаю заранее, материал может оказаться «пустышкой», так что не старайтесь во что бы то ни стало вытянуть из него интересующий нас криминал. Я хочу сказать, что криминал там, безусловно, есть, поскольку есть труп, но он может оказаться не по нашей части. И еще одно. Я хочу попросить вас быть особенно внимательной и аккуратной, потому что это может коснуться моего сына.

Настя удивленно вскинула глаза на начальника.

— Максима? Он имеет к трупу какое-то отношение?

— Самое непосредственное. Они с убитым были если не друзьями, то добрыми приятелями, учились на одном курсе и в одной группе. И именно Максим на днях прибежал домой весь белый от ужаса. Начальник курса объявил им, что их товарища, Сашу Барсукова, нашли убитым.

— И вы подозреваете, что Максим знал о преступных связях друга и даже сам был замешан?

— Я ничего не подозреваю! — Голос Заточного снова стал сухим и жестким. — У меня нет оснований для каких бы то ни было подозрений. Но и оснований быть благодушным у меня тоже нет. С каждым из нас может случиться все, что угодно. И с нашими детьми тоже. Я слишком много времени и внимания уделял и уделяю службе и не могу быть уверенным, что знаю своего сына как облупленного. Ему уже скоро девятнадцать, это взрослый мужчина, у которого своя жизнь. И тот факт, что для меня он продолжает оставаться ребенком, не может повлиять на объективную реальность. Хватит об этом, Анастасия. Вернемся к делу. Со слов сына я знаю, что Саша Барсуков ухаживал за девушкой, которая много лет назад потеряла родителей и теперь живет вместе с дедом. Ситуация достаточно острая, поскольку десять лет назад родители девушки были убиты, и убиты не кем-нибудь, а именно этим самым дедом, который отсидел срок и вернулся к внучке. Могу высказать предположение, что Барсуков попал под влияние деда-уголовника. Это первое. Я запросил из архивов материалы на него.

Генерал легко поднялся из-за стола, открыл сейф и положил перед Настей две пухлые папки. Глядя на него, Настя снова ощутила едва заметный укол того,

что принято называть белой завистью. Она не сумела бы встать с такой легкостью и вообще двигалась, как правило, тяжело и неуклюже, несмотря на относительную молодость (всего-то тридцать семь) и почти болезненную худобу. Спортом она, в отличие от Заточного, никогда не занималась, а тут еще и спина побаливает, и одышка...

— Вот, ознакомьтесь с ними. В одной папке материалы уголовного дела, в другой — личное дело осужденного Немчинова. Не буду вам говорить, что и как смотреть в этих материалах, вы лучше меня все знаете. Теперь второе. У вас хорошая память, и я полагаю, вы не забыли дело Сергея Градова, осень девяносто третьего года.

— Я помню, — удивленно произнесла Настя. — Но я не думала, что вы об этом деле знаете.

— Мы в то время не были с вами знакомы, но тогда я как раз впервые о вас услышал. Я не мог не знать об этом деле, потому что Градов, как вам известно, был депутатом и имел хорошие шансы стать крупным политиком. Но дело не в нем. Вы помните мальчишку, которого тогда взяли к вам на стажировку?

— Конечно, — кивнула она, понимая наконец, о чем хочет ее предупредить генерал. — Парень учился в Московском юридическом институте МВД, там же, где и ваш сын. И мы тогда смогли установить, что он с самого начала, еще до поступления в институт, был завербован криминальной структурой и направлен на учебу в наш ведомственный вуз, чтобы иметь в милицейских рядах свои уши и руки. Вы полагаете, что этот случай мог оказаться не единственным?

— Я не могу не учитывать такую возможность. Принимая во внимание должность, которую я зани-